

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-323-331>

УДК 82-6

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Рецензия / Review

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. С.В. Федотова

г. Москва, Россия

АНТИНОМИИ МЕРЕЖКОВСКИХ

Рецензия на книгу: Мережковские и Европа /
под общ. ред. В.В. Полонского, ред.-сост.: Е.А. Андрущенко,
О.А. Блинова, В.М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 496 с.¹

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 24-18-00248, URL: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Россия, Европа, эмиграция,
культурный трансфер, творчество, биография, архивные документы, антиномии.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологиче-
ских наук, доцент, Институт мировой литературы Российской Академии наук
им. А.М. Горького, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: luica-th@yandex.ru

Дата поступления рецензии: 27.05.2024

Дата одобрения рецензентами: 18.09.2024

Дата публикации статьи: 29.12.2024

Для цитирования: Федотова С.В. Антиномии Мережковских. Рецензия на книгу:
Мережковские и Европа / под общ. ред. В.В. Полонского, ред.-сост.: Е.А. Андру-
щенко; О.А. Блинова, В.М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 496 с. // Вестник
славянских культур. 2024. Т. 74. С. 323–331.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-323-331>

Феномен Мережковских — один из наиболее репрезентативных для эпохи рус-
ского модернизма, в самосознании которого были резко обострены антиномии транс-
цендентного и имманентного, духовного и телесного, языческого и христианского,
рационального и интуитивного, этического и эстетического, индивидуального и обще-
ственного, и т. д. По Ю.М. Лотману, для русской культуры в целом, сознающей себя
в категориях взрыва, характерна бинарная структура мысли и самооценки, в отличие
от общеевропейской тернарной системы. Вместе с тем осмысление универсальных
противоречий бытия и сознания, как и стремление к их разрешению, в равной степени
свойственно и Западу, и Востоку, и России, исторически соединяющей в себе культур-
ные полярности. В этом смысле творчество Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус осо-
бенно показательно: оба они воплотили «русские антиномии», оставаясь неразрывно

¹ Далее при цитировании страницы книги указываются в круглых скобках.

связанными с европейской традицией. Сами их личности воспринимались современниками крайне неоднозначно. Их семейный тандем, даже не двойственный, а тройственный, включая В.Д. Философова, выглядел не менее амбивалентно. По распространенному мнению, пока, заметим, не подтвержденному должным образом, жена «зачинала» идеи, а муж их «вынашивал». В любом случае творческая плодовитость этого антиномично-устойчивого союза вызывает неуклонно нарастающий интерес русских и зарубежных исследователей.

Примером тому служит новейшая коллективная монография «Мережковские и Европа» (М., 2023), предметом которой является «противоречивая целостность русской европейскости и европейской русскости Мережковских, сказавшаяся в их жизни и творчестве» (с. 17). Статьи авторов из разных стран распределены по двум основным разделам. Первый посвящен различным аспектам творческого наследия Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус в контексте русско-европейских культурных связей. Во втором освещаются малоизученные стороны биографии знаменитой четы, с опорой на архивные источники, неизвестные или забытые публикации, конкретизирующие историю пребывания Мережковских во Франции в годы эмиграции. Двухчастный исследовательский корпус издания дополняется разделами «Публикации» и «Приложение».

Книга открывается концептуальной статьей *Вадима Полонского* (Россия, Москва) «“Заклинатель” неправого мира: жизнеописания Мережковского в контексте традиций биографического жанра». На первый план сразу же выдвигается проблема культурного трансфера, в процессе которого деформации национальной литературы в зеркале инокультурной рефлексии неизбежна. В случае с Мережковским она была радикальной. Репутация Мережковского как «европейского писателя» во французской критике складывалась из противоречивых, а порой и пародийно-абсурдных характеристик: сначала его вписывали в один ряд с такими европейски ориентированными писателями, как Суворин, Боборыкин, Буренин и В. Крылов; затем сравнивали с реконструктивным археологизмом Георга Эберса или эстетским стилизаторством Флобера — автора «Саламбо»; наконец, сопоставили антипозитивиста Мережковского с позитивистом Ипполитом Тэнном, в результате чего он был «окончательно уроднен французской словесности, перемещен из национального в общеевропейский контекст». Подобные аналогии не улавливали «жанровую природу историософской, хилиастской литературной продукции Мережковского». По мнению исследователя, более важно соотносить тексты писателя, особенно поздние, «не с мейнстримом европейского символизма, а с его периферийным руслом, связанным с правым традиционализмом, модернистским эзотеризмом и “католическим обновлением”» (с. 25). В таком ключе в статье рассматривается амбивалентный биографическо-хилиастский нарратив книг «Наполеон» (1929) и «Данте» (1939).

Тема культурного трансфера продолжается в работе *Тамары Теперик* (Россия, Москва) «Поэтика перевода и поэтика мотива: “Эдип Царь” в переводе Д.С. Мережковского». В статье рассматриваются стратегии Мережковского-переводчика, нацеленные прежде всего на передачу идейного смысла оригинала, а не на буквалистское или эквивалентное переложение подлинника, за что ему часто доставалось от критики. Автор статьи, напротив, утверждает, что «хотя переводы Мережковского считаются *вольными*, на самом деле они являются *точными*, если иметь в виду прежде всего *художественную точность*». Под художественной точностью имеется в виду выявление главной идеи трагедии — «осознание героем вины за причиненные им людям страдания. Т. е. в конечном счете за причиненное им *зло*» (с. 56–57). Прочтение Софокла в ракурсе веч-

ной моральной антиномии объясняет усиление в переводе мотива зла и лексические отступления Мережковского от греческого оригинала в тех случаях, когда нет точного эквивалента русскому значению слова.

Интересные наблюдения об антиномичности сознания Мережковского содержатся в статье *Алексея Холикова* (Россия, Москва) «Круг русских и европейских писателей в “Невоенном дневнике. 1914–1916” Д.С. Мережковского». Рассмотрев огромное количество имен отечественных и зарубежных художников слова, фигурирующих в тексте, ученый приходит к выводу, что они являются «маркерами дихотомического мышления» Мережковского. Имена семиотизируются, становятся символами-индексами определенных концепций, с их помощью задается полярный диапазон точек зрения на важнейшие общественно-политические проблемы и выстраиваются «излюбленные бинарные оппозиции, которые фактически укладываются в зримое противопоставление и чаемое соединение Востока и Запада». Зарубежные писатели зачастую привлекаются для усиления контраста между русским и европейским сознанием (с. 70–71).

Аналогичный прием обыгрывания личных имен, нагруженных контрастными отношениями, исследуется в работе *Вероники Зусевой-Озкан* «Россия и Европа в рассказах З.Н. Гиппиус 1920–1930 гг.». В центре внимания — три рассказа писательницы, написанные в эмиграции: «Ваня и Мари» (1924), «Марина и Катерина (Параллели)» (1931), «Ваня Пугачев и Ваня Румянцев» (1933). Все они строятся на приеме противопоставления национальных характеров, что заявлено уже в однотипных заглавиях и откровенно «обнажено» в названии второго из них. Тонкий анализ поэтики этих произведений выявляет общность их проблематики и структуры, позволяет автору увидеть в них своего рода триптих, или «единый смысловой ряд, отражающий воззрения Гиппиус на отношения России и Европы» (с. 85).

В статье «“Августин близок нам...”»: проблема зла в истолковании Августина и Мережковского» *Людмила Луцевич* (Польша, Варшава) размышляет о своеобразии позднего биографического очерка русского писателя, посвященного одному из самых авторитетных мыслителей и отцов католической церкви. В отечественной философской и художественной мысли интерес к Августину имеет давние традиции. Мережковский обратился к изучению его личности и творений в последние годы жизни, когда работал над циклом «Лица святых от Иисуса к нам», включающим три книги: «Павел. Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1938). Как отмечает польская исследовательница, Мережковский видит общность с Августином «в остром осознании пограничья — исторического и интеллектуального, эмоционального и духовного, присутствующего каждому из них. На глазах обоих произошел разлом истории: нашествие варваров губит цивилизацию. Августин для Мережковского со-мышленник в восприятии исторических катаклизмов». Духовную родственность автору «Исповеди» писатель находит и в «страшном опыте Зла», и в мучительных попытках ответить на вопрос: «откуда Зло, от человека или от Бога?» В рецепции Мережковского, таким образом, биографический нарратив совмещается с автобиографическим, а исторические факты обретают масштаб универсальных идей и символов, характерных не только для Средневековья, но и для русского XX в. (с. 114).

Елена Андрущенко (Россия, Москва) задает проблемную рамку своей статьи «Дмитрий Мережковский между Реми де Гурмоном и Эмилем Людвигом» столкновением «высказываний двух Ильиных: Владимира и Ивана». Первый из них, В.Н. Ильин, относил Мережковского «к первоклассным и острым эссеистам-критикам, немного в духе Реми де Гурмона». Второй, И.А. Ильин, пренебрежительно сравнивал Мереж-

ковского с «пресловутым Эмилом Людвигом, читая которого, стыдишься за него, что ему нисколько не стыдно выдумывать свои выдумки» (с. 123). Эти полярные оценки направляют двойной сопоставительный сюжет исследования, в ходе которого, с одной стороны, детально сравниваются «Вечные спутники» Мережковского (1896, на обложке — 1897) и «Книга масок» Р. де Гурмона (1896); с другой — биографический метод Мережковского и Э. Людвига. В обоих случаях выявляется целый ряд типологически общих и различных характеристик. Однако, по гипотезе исследовательницы, наиболее существенной чертой литературной критики и биографики Мережковского является «троичный» механизм мифотворчества, который отличает его произведения от критических работ Р. де Гурмона и биографий Э. Людвига. Речь идет о том, что Мережковский всегда работал не только с историческими или литературными источниками, но и с научно-критическими оценками этих источников. В результате его писательская оптика задавалась «сочетанием трех точек зрения: “героя”, автора и самого Мережковского» (с. 129–130), причем последняя, разумеется, доминировала, модифицируя и слово «героя», и слово автора-посредника в угоду концепции, которая на тот момент владела писателем. Вывод Е.А. Андрущенко об особом типе книжного мышления Мережковского в свою очередь можно вписать в пространство между характеристикой Вяч. Иванова как «сверхфилолога» (Бердяев) и понятием «монологизма» М.М. Бахтина.

Для определения специфики творческого метода и самого типа мысли Мережковского *Генрих Киришбаум* (ФРГ, Фрайбург) предлагает термин «литературософия», под которым понимаем «мышление о литературе, внеположное аналитизму академической истории словесности». Возникает вопрос: не является ли понятие, сконструированное по аналогии с историософией, культурософией и теософией, «приумножением сущностей»? Ведь есть же устоявшийся концепт «литературоцентризм». Не дублируются ли эти термины? На наш взгляд, нет. «Литературоцентризм» референцирует фундаментальную особенность русской ментальности XIX–XX вв. — признание высочайшего статуса искусства слова в иерархии национальных ценностей, его конститутивной роли в формировании личностно-экзистенциальной и культурной самоидентификации. «Литературософия» же, по-видимому, заостряет операциональный аспект — это что-то типа *философии литературы*, или *мудрствования о литературе*, с помощью не только литературных, но и паралитературных методов и приемов. В таком случае надо признать терминологическое нововведение удачным. По крайней мере, оно вполне адекватно улавливает своеобразие металитературного стиля Мережковского, которого нельзя, строго говоря, назвать ни философом, ни богословом, ни историком, ни художником. Дефиниция же «литературософ» покрывает все его противоречивые ипостаси. Стоит подчеркнуть, что автор статьи «Мессианская литературософия: Мережковский и Мицкевич» вводит новый термин в качестве оппозиции литературоведению. Имеется в виду, что внутри русского символизма выработалось два антиномических подхода к литературе: «они во многом противоречат друг другу, диглоссируют и диссонируют, но даже этот диссонанс оборачивается очередным свидетельством программного раздвоения символистского субъекта» (с. 137–138).

В исследовании *Ольги Блиновой* (Франция, Париж) «“Серафита” Оноре де Бальзака и концепт тройственного союза у Гиппиус и Мережковского: возможные влияния» впервые прослеживаются различные формы рецепции мистико-философского романа Бальзака молодыми Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Такой сопоставительный подход, выявляющий существенные отличия между супругами-литераторами в худо-

жественной ассимиляции одних и тех же явлений, исключительно продуктивен. Восприятие Мережковским загадочного произведения французского писателя было опосредовано эссе Ипполита Тэна «Бальзак» (1865), утверждает автор статьи, тем самым подтверждая рассмотренную выше идею Е.А. Андрущенко об особом типе книжного мышления Мережковского. Следы влияния Бальзака на творчество Гиппиус обнаруживаются в рассказе «Мисс Май», завершающем первый сборник рассказов с символическим названием «Новые люди» (1895). Но если Мережковский задействовал образ прозрачности «телесной оболочки» Серафиты-Серафитуса для передачи высшей духовности своих избранных персонажей, то Гиппиус остановила внимание в основном на андрогинности. В художественном мире писательницы двуполость становится не переменным признаком «новых людей», воплощающих ее представления о синтезе противоположностей на уровне антропологии и физиологии. Согласно О.А. Блиновой, бальзаковский роман повлиял на метафизику любви у Гиппиус и оказался важным звеном в генезисе житнетворческого проекта Мережковских по созданию тройственного семейного союза (с. 165).

Завершает первый раздел монографии статья *Андрея Гордина* (Латвия, Рига) «Дмитрий Мережковский в Латвии: Антон Аустриньш, Виктор Эглитис, Адольфс Эрс», где рассматривается рецепция творчества Мережковского в среде латышских писателей первой половины XX в. Так, к примеру, роман Адольфа Эрса «Сатир и крест» воспринимался современниками как чисто символистский, написанный в духе хорошо узнаваемых религиозных антиномий Мережковского. По мнению исследователя, представители латвийской культурной среды видели в Мережковском не только известного романиста с мировым именем, но прежде всего яркого публициста со своей четкой политической позицией и религиозного писателя: «Именно религиозная составляющая постепенно становится доминирующей в оценке творчества Мережковского. Религия становится своего рода знаком его манеры письма» (с. 185–186).

Во втором разделе освещаются отдельные сюжеты в биографии Мережковских эмигрантского периода. Фокус внимания смещается на противоречия Мережковских, существующие между их художественно-идеологическими взглядами и жизненно-бытовым поведением. Сюда входят статьи: «Польша в судьбе Зинаиды Гиппиус» (*О.Р. Демидова*, Россия, Санкт-Петербург), «Дмитрий Мережковский и Николай Минский: два религиозных голоса в “Меркюр де Франс”» (*Д.В. Кунцевич*, Франция, Бордо), «Зинаида Гиппиус в Таормине: Вильгельм фон Глэден, Елизавета фон Овербек и другие» (*О.Б. Матич*, США, Беркли), «Собрания парижской “Зеленой лампы”» (*М.А. Тургиева*, Франция, Париж), «Д.С. Мережковский во Франции в годы немецкой оккупации (Материалы для биографии писателя)» (*А.Ф. Строев*, Франция, Париж) и «Литературоведческое наследие Д.С. Мережковского на французском языке в период эмиграции: переводы и рецензии» (*С.А. Гарциано*, Франция, Лион). Большая часть перечисленных статей опирается на малоизвестные или вовсе неизвестные архивные источники, а также давние публикации во французской печати. Помимо этого, публикации сопровождаются иллюстрациями, в том числе шаржами на Мережковских, что придает всему разделу основательный и в то же время увлекательный характер.

Работа *Ольги Демидовой* отличается вдумчивой и тщательной реконструкцией «личного» и «общественного» отношения Гиппиус к Польше и полякам с 1914 по 1940 г., кардинально изменившегося за 20 лет. Материалом исследования являются эмигрантские дневники, публицистика и поэзия Гиппиус. Особенно выделим анализ поэтики «Варшавского дневника (1920–1921)», начатого в Польше, а законченного уже во Фран-

ции. По определению Демидовой, перед нами гибридный жанр дневника-мемуара с нелинейным нарративом, построенном на дихотомическом хронотопе. Повествование «перемещается из одного временного пространства в другое в возвратно-круговом режиме, отражая движение мысли Гиппиус, упорно возвращающейся к не отпускающему ее польскому опыту». При этом само пространство также антитетично: внешний, физический, «общественный» слой совмещается с внутренним, личным.

В первом разворачивается драматическая история несостоявшейся борьбы, обреченного на неудачу политического активизма и неоправдавшихся надежд Гиппиус на Польшу как на единственную из европейских стран, способную оказать активное сопротивление большевистскому режиму и способствовать его падению. Во втором — личная драма Гиппиус, завершившаяся ее окончательным «разъединением» с Философовым (с. 200–201).

Ольга Матич в привычном для нее ракурсе рассматривает эпизод жизни Гиппиус в Таормине, связанный с ранними любовными историями писательницы и попытками их концептуализировать в дневниках и художественном творчестве. Много внимания уделяется немецкому барону Вильгельму фон Глэдону, стремившемуся на рубеже веков создать в Таормине «нечто вроде однополой Аркадии» и прославившемуся «эротизированными фотографиями в псевдо-древнегреческом антураже». Основной вывод автора перекликается с заглавной темой настоящей рецензии: «Свою гендерную промежуточность — два в одном в самой себе — Гиппиус во многих случаях осуществляла, но иногда стремилась и к устранению своей бисексуальности. Именно двойственность была основой ее парадоксального и амбивалентного отношения к себе». Однако некоторое недоумение вызывает «кода» сюжета о парадоксальном «промежуточном гендере» Гиппиус. Здесь сообщается буквально следующее: в 1964 г. в той же Таормине, где Гиппиус на рубеже веков приобрела бисексуальный опыт, побывала «другая более знаменитая русская женщина-поэт» Анна Ахматова, которой вручили международную поэтическую премию «Этна-Таормина», а в 2015 г. «в парке дворца герцогов Санта-Стефано в Таормине был установлен бюст поэта работы русского скульптора Андрея Клыкова» (с. 237–253). Что, собственно, подразумевается под многозначительным скрещиванием имен Гиппиус и Ахматовой? Ирония судьбы, соединившей их в локусе сицилийского городка, описанного выше как «однополая Аркадия»? Или здесь всплывает некая глубинная ассоциация между трендовой гендерной тематикой и *дискурсом телесности*, с которым зачастую связывают акмеизм? Не беремся ответить на этот вопрос.

Напротив, серьезный научный вес имеет статья *Александра Строева*, впервые подробно документирующая довольно темный период биографии Мережковского, который супруги провели в Биарицце в годы немецкой оккупации (1940–1941). Отдельный интерес представляет история взаимоотношений Мережковского и влиятельной графини Элизабет Греффюль, взявшей его под свое покровительство. Как отмечает автор, Мережковский охотно пользовался услугами благодетельницы, но далеко не всегда был тактичен по отношению к ней. Во многом благодаря разветвленным связям графини в газетах Биарицца широко освещались творческие замыслы «великого русского писателя», печатались интервью с ним, анонсировались его лекции и давались подробные отчеты об их проведении. Публикация этих ценных материалов дает возможность познакомиться с выступлениями и неизвестными текстами Мережковского, в частности, его лекцией «Леонардо да Винчи», состоявшейся 30 ноября 1940 г. Приведем фрагмент из газетного отчета, весьма показательный для присущего Мережков-

скому антиномического способа мысли. Логика его речи строилась на многослойных антитезах: с одной стороны, он сопоставлял Леонардо и Гёте, которых называл «одновременно ангелами и демонами», с другой — Данте и Паскаля. В результате лекция о гении итальянского Возрождения, к удивлению многих слушателей, вылилась в прославление Паскаля, мыслившего, добавим, совершенно в духе лектора:

Паскаль — гений науки, такой же могущественный, как Винчи, но для него наука не противостоит вере. Напротив, чем обширнее знание, тем крепче вера. Христианство умерло? Никто не ответил на этот вопрос с такой силой, как Паскаль. Христианство живо, оно всегда умирает и всегда воскресает.

Слова Паскаля освещают нам горизонт. «Духовное и плотское начала объединяются в любви к ближнему», — пишет он. Соединить противоположности отнюдь не значит пойти на компромисс. Это значит согласовать две истины, два лика Бога, Отца и Сына (с. 306).

Исключительный интерес представляет и публикуемая заметка Мережковского «Страсть к абстрактным понятиям», напечатанная в преддверии лекции о Паскале, назначенной на 20 февраля 1941 г. По сути, это автореференциальный текст, раскрывающий «тайну» самого Мережковского:

Никто лучше Паскаля не понял, какую силу и какую ценность могут иметь отвлеченные идеи для реалий человеческой жизни, личной и общественной. Абстрактное мышление — это самоотречение, принесение себя в жертву Богу. <...> абстракция — начало всего христианского религиозного опыта, венец которого — Любовь, источник жизни (с. 310).

Наконец, необходимо отметить еще один важный момент. На основе опубликованных источников убедительно реконструируется один из самых одиозных эпизодов из биографии позднего Мережковского — его речь по радио в 1941 г., в которой писатель якобы прославлял Гитлера. В статье доказывается прямая связь между лекциями Мережковского лета 1941 г. и его статьей «Большевизм и человечество», а в итоге под сомнение ставится сам факт выступления. Тексты свидетельствуют, что Мережковский поддерживал войну против большевизма, но не прославлял Гитлера. А.Ф. Строев, таким образом, демифологизирует устойчивую легенду о коллаборационизме писателя. После приведенных исследователем веских аргументов повторение сложившегося мифа можно считать признаком ангажированности, а не профессионализма. Тем не менее открытым остается вопрос: почему в эмигрантской среде его охотно принимали за чистую правду?

Блок статей рецензируемой монографии завершается аналитическим обзором литературоведческого наследия Мережковского эмигрантского периода, выполненным *Светланой Гарциано*. По ее наблюдениям, в общей сложности корпус текстов «Мережковский и о Мережковском на французском языке» состоит, как минимум, из 246 различных текстов. Около 30 рецензий на книги Мережковского во французской периодике свидетельствуют об определенном интересе к фигуре Мережковского — литературного критика со стороны французской журналистской среды. В них затрагиваются темы славянской европейскости и европейского славянства писателя, русской литературой в ее соотношении с западноевропейским литературным наследием, проводятся антиномические параллели — Толстой / Достоевский и Бунин / Мережковский и т. д. (с. 343–347).

В разделе «Публикации» впервые вводится в научный оборот полная переписка Мережковских с Н.В. Чайковским, подготовленная *Е.А. Андрущенко*. Чайковский

в те годы был лидером «Союза возрождения России», возглавлял конспиративный «Центр действия», был председателем Исполнительного бюро Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Мережковские были связаны с ним многими нитями, но самой прочной из них оказалась прагматическая. В большей степени их интересовала возможность через Чайковского решить материальные проблемы, знакомые всем эмигрантам. В письмах встречаются и любопытные литературные оценки. Так, например, в неотправленном письме Чайковский говорит о том, что одна из речей Дмитрия Сергеевича «огорчила и удивила» его: «в ней совершенно ясно прозвучала нота языческого олимпийства, не только претендующего на безусловное господство, но и требующего безапелляционного преклонения со стороны нас, христианской толпы». В другой раз Чайковского возмутило стихотворение Гиппиус «Наставление» (Современные Записки. (1925. Т. XXIII), которое он прямо назвал «сатанинским». Оправдываясь перед не вполне сведущим в литературных тонкостях, но кристально честным корреспондентом, весьма полезным во многих практических отношениях, Гиппиус в очередной раз проявляет свою любовь к антиномиям. У всех, говорит она, бывают в жизни темные и светлые минуты, для поэта же важен не их «цвет», а их «яркость», которую он пытается уловить, «закрепить» в слове. В силу этого у него рядом «бывают два стихотворения рядом — как будто друг другу противоречащие». Когда ей приходится выбирать для печати стихи, ее старания всегда «сводятся к тому, чтобы горькая минута не была без противовеса или “противоречия”» (с. 386–403).

В этом же разделе публикуется «Библиографический перечень нотных изданий музыкальных произведений на слова Зинаиды Гиппиус 1906–1996», составленный *О.А. Блиновой*. Публикатор считает, что предлагаемую нотографию можно воспринимать как «своеобразное опровержение тщательно сконструированного самой Гиппиус и подхваченного ее современниками мифа о немзыкальности поэтессы» (с. 413).

В «Приложении» печатаются «Некрологи и посмертные статьи о Мережковском во французской прессе», составленные и переведенные с французского *А.Ф. Строевым*; «Отрывки из рецензий по-французски о литературоведческих трудах Д.С. Мережковского в период эмиграции», в переводе *С.А. Гарциано*. Здесь же впервые публикуется статья одного из самых авторитетных и старейших исследователей русского символизма *Аврил Пайман* (Великобритания, Дарем) «Д.С. Мережковский в “Мире искусства”». Написанный в 1993 г. для доклада на конференции, этот текст увидел свет только сейчас, спустя 20 лет. Автор оценивает его как своего рода дополнение к книге «История русского символизма», выросшей в свою очередь из докторской диссертации на тему «Д.С. Мережковский и истоки русского “декаданса” (1892–1905)» (Кембридж, 1958).

Рецензируемая коллективная монография — ценный вклад в научное изучение жизни и творчества Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, и с точки зрения их индивидуального своеобразия, и с точки зрения их противоречивого единства. Тема антиномизма Мережковских, акцентированная нами в обзоре, разумеется, далеко не единственная, но и далеко не проходная. Она задает фокус восприятия не только сложного и противоречивого феномена Мережковских в аспекте их культурной самоидентификации, но и всего спектра современных исследовательских подходов к изучению этого плодотворного двуединства. Остается добавить, что издание прекрасно подготовлено силами ученых-единомышленников разных стран. Научный аппарат книги на русском, английском и французском языках говорит о том, что она ориентирована на европейский книжный рынок, и, несомненно, займет в области мирового мерезковсковедения лидирующие позиции.

© 2024. Svetlana V. Fedotova
Moscow, Russia

ANTINOMIES OF THE MEREZHKOVSKEYS

Book Review:

**The Merezhkovskys and Europe, ed. V.V. Polonsky,
E.A. Andrushchenko, O.A. Blinova, V.M. Vvedenskaya.
Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 496 p.**

Acknowledgments: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, with a support grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 24-18-00248, Available at: <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>).

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, Russia, Europe, Emigration, Cultural Transfer, Creativity, Biography, Archival Documents, Antinomies, Collective Monograph.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9991-4966>

E-mail: lucia-th@yandex.ru

Received: May 27, 2024

Approved after reviewing: September 18, 2024

Date of publication: December 29, 2024

For citation: Fedotova, S.V. “Antinomies of the Merezhkovskys. Book Review: The Merezhkovskys and Europe, ed. V.V. Polonsky, E.A. Andrushchenko, O.A. Blinova, V.M. Vvedenskaya. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 496 p.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 74, 2024, pp. 323–331. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-323-331>